

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17805/zpu.2021.3.3

Идея прогресса и образ будущего: трансформации в условиях пандемии

А. В. КОСТИНА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ситуация пандемии изменила общество во всех его проявлениях столь существенно, что возвращение к устойчивой системе допандемических отношений сегодня практически невозможно. И дело здесь не только в кризисном состоянии мировой экономики, не в диджитализации всех процессов, даже не в тех информационных войнах, что напрямую или косвенно обусловлены пандемией. Дело в том, что существенно изменились представления человека о такой базовой категории его существования, как время. Образ будущего был основной установкой в любом обществе на любом этапе его исторического развития. В эпоху архаики он соотносился с реактивацией уже освоенного потенциала и «вечного возвращения», в эпоху Античности — с деградацией от золотого века к бронзовому и железному, в эпоху Средневековья — с ожиданием Страшного Суда и спасения. И только Просвещение породило тот образ будущего, который был связан с прогрессом и накоплением — информации, знаний, материальных благ. Этот образ стал основой идеи капитализма. В XX в. родилась и иная идея, где будущее соотносилось с обществом социального идеала. Несмотря на то что в постпандемической ситуации для россиян стало характерным обращение к прошлому как обладающему определенностью, в обществе вполне отчетливо проявляет себя консенсус относительно необходимости перемен и социального развития. Вместе с тем сам образ будущего обладает недостаточной определенностью, не соотносясь ни с капиталистическим, ни с социалистическим путем развития. Однако устремленность россиян к социально направленной политике Швеции и ориентация на государственные формы собственности в Китае позволяют сделать вывод о том, что для граждан нашего государства большей привлекательностью обладает не идея прогресса, а социально ориентированные идеалы.

Ключевые слова: социальный идеал; прогресс; будущее; прошлое; государство; социальная поддержка; личностное развитие

ВВЕДЕНИЕ

Если говорить о том, каким образом пандемия повлияла на образ будущего, прежде всего необходимо отметить, что она сократила горизонт его обозрения. И это очень существенный фактор. О том, что ситуацию пандемии, особенно в начальный период ее развития, лидеры многих государств оценивали как ситуацию «абсолютной неопределенности», говорил в своем послании Федеральному Собранию Президент России Владимир Путин¹. И это действительно было так.

Высочайшая степень неопределенности будущего сократила время, которым человек может управлять и в отношении которого он может строить проекты. Это время стало равным настоящему, где даже следующий день выступает в качестве неопределенной перспективы. Отсюда — формирование установок презентизма (от англ. *Present* — настоящее время), проявляющихся в крайнем релятивизме, в существовании у каждого человека своей картины исторического прошлого, которые одинаково правомерны, и своей картины будущего, в отсутствие стремления к развитию невозможности строить проекты даже своей собственной жизни, которая замыкается в кругу удовлетворения насущных и сиюминутных потребностей.

В чем проявляется презентистская установка? В том, что большинство людей сегодня обеспокоено сегодняшними проблемами, и их гораздо меньше заботят долгосрочные угрозы, даже экономические². И это естественно, так как воображаемое будущее наполнено разнообразными катастрофическими перспективами. Тот же образ будущего, который предлагается элитой, у большинства граждан доверия не вызывает и отвергается как чуждый. И подобное отчуждение постоянно возрастает — в полном соответствии с увеличением разрыва в уровне и качестве жизни между богатыми и бедными (Комаровский, 2020: 48).

Согласно данным аналитического доклада, подготовленного в феврале 2021 г. и рассматривающего влияние пандемии на экономическую и социальную сферу, систему государственного управления в России, у населения по-прежнему ярко проявляется состояние страха, которое в 2021 г. по сравнению с 2020 г. не уменьшается и сохраняется на уровне 7 баллов из 10 у 37,4% опрошенных («Черный лебедь» ... , 2021); по-прежнему ярко проявляются ощущения неуверенности и беспокойства, социальной фрустрации, которые приводят к деформированию или уничтожению образа будущего. И это самое негативное проявление пандемии. Фактически подобное отношение к будущему как не существующему означает выпадение человека из истории, т. е. отказ от всего того, что делает его человеком.

ОБРАЗ БУДУЩЕГО КАК ИСТОРИЧЕСКИ ОПОСРЕДОВАННЫЙ: ОТ ЦИКЛИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ — К ЛИНЕЙНОМУ

Образ будущего у общества был всегда. Естественно, что специфический образ времени исторически опосредован и выступает в качестве продукта определенного культурного развития.

В традиционных обществах это был образ циклического движения, «вечного возвращения» (Мирча Элиаде), где будущее — это лицо, обращенное назад (шумеры). То есть идеальное будущее воспринималось как возвращенное прошлое, а сама идея постоянства соотносилась с бессмертием. «Только под углом зрения бессмертия, — пишет Я. Э. Голосовкер, — возможно культурное, т. е. духовное, творчество. Утрата идеи бессмертия — признак падения и смерти культуры. Такое устремление к бессмертию в культуре и выражается как устремление к совершенству» (Голосовкер, 1987: 125). На воспроизводство прошлого, а фактически на реализацию идеи бессмертия была направлена масса ритуалов, вошедших в календарный цикл.

В эпоху Античности время воспринималось как имеющее определенную направленность развития, которая, однако, определялась возвратным вектором движения и связывалась с деградацией и упадком, разрушением того прекрасного мира, который некогда создали боги. И все образы времени — четыре века (Золотой, Сере-

бряный, Бронзовый, Железный), представленные Овидием в его «Метаморфозах», или пять веков (Золотой, Серебряный, Бронзовый, Век героев, Железный век), представленные Гесиодом в его «Трудах и днях», сменяли друг друга, демонстрируя разрушение основных принципов существования мира.

Образ будущего в рамках христианства впервые получил историческую интерпретацию, а весь путь человечества Св. Августином был соотнесен со стрелой, «пущенной во времени», а будущее представлялось не только в перспективе Страшного суда, но и дарованного спасения.

Исключение здесь не составляет и эпоха Возрождения, настроенная на воспроизводство идеальной эпохи, каковой считалась эпоха Античности. Это специфическое чувство историзма было сопряжено с реабилитацией антропоцентризма как доминирующего принципа Античности и формирования гуманизма, который станет фундаментом всей новоевропейской цивилизации. Понятие развития как связанного со свободной деятельностью человека составляет пафос известной «Речи о достоинстве человека» Пико дела Мирандолы, где человек рассматривается как существо, обладающее волей и способностью «сформировать себя» в том образе, который он сам предпочитает, — или «переродиться в низшие неразумные существа», или «в высшие, божественные» (Буркхарт, 2002: 306), или вернуться в царство природы, или созидать царство культуры.

Именно здесь и зарождается тот образ времени, который мы сегодня воспринимаем как естественный и единственно возможный и который связан только с человеческими деяниями и развитием человека как родового существа, способного передавать накопленный опыт следующим поколениям. Накопление становится той мировоззренческой установкой, которая сопрягается, во-первых, с идеей времени, развития и прогресса, во-вторых, с идеей капитала и его роста, в-третьих, с идеей эволюции как процесса, связанного с фиксацией и увеличением навыков материальной деятельности и расширением возможностей деятельности духовной. Эта установка найдет свое полное и последовательное выражение в эпоху Просвещения, а образ времени станет соотноситься с прогрессом и постоянным совершенствованием.

Иными словами, для современных цивилизаций, вставших на путь индустриального развития — в большей степени европейской, чуть в меньшей степени — конфуцианской, индуистской, арабо-мусульманской, — образ будущего определен установками эпохи капитализма и модерна. Какие это установки?

— Гуманизма, который существует не в качестве веры в человека вообще, а веры в человека, который самосовершенствуется в условиях конкуренции или «недоброжелательной общительности», по И. Канту, во имя достижения идеального социального состояния — гражданского общества. Иначе говоря, гуманизм в рамках этой концепции получает прогрессистское наполнение.

— Рационализма, веры в безграничные способности разума и науки.

— Историзма, где разум и наука определяют неизбежное движение общества по пути постоянного развития и накопления — знаний, информации, материальных активов. Отсюда — особое восприятие истории как линейного движения общества по пути прогресса. Классическим примером использования алгоритма развития науки для объяснения исторических процессов в обществе явился труд Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1795), где история подверглась критическому осмыслению с позиций разумности и естественности. Как показал Кондорсе, история развивается по законам прогресса, который так

же закономерен и неизбежен, как безгранично совершенствование человеческих способностей (Костина, 2009: 18).

— Универсализма, где все народы воспринимаются в перспективе единого человечества, продвигающегося по единому же пути развития. Эта общность исторического развития рассматривается в качестве особого закона истории. Подобный универсализм был порожден философией Нового времени в лице Декарта, Бэкона, Гоббса, которая была принципиально неисторичной и ориентировалась на осмысление неизменного в своих основаниях мира при помощи универсального же разума и таких категорий, как «сущность», «субстанция», «объективное».

Эти установки были сформулированы в конце XVII в. в рамках дискуссии «ревнителю древности» и «современников»³, но окончательное оформление они получили позже в работах Тюрго, Кондорсе, Луи-Себастьяна Мерсье (Бенуа), а также Лейбница, Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Г. Й. Гердера, И. Канта. Первоначально, как отмечает В. Ф. Асмус, чувство истории было связано с восприятием изменений, происходящих в сфере природы, и зафиксировано физиками, математиками и физиологами и лишь затем спроецировано на изменения, происходящие в обществе (Асмус, 1969: 217). Но убежденность в том, что эти изменения выступают как позитивные, была сформирована именно просветителями. Они и стали идеологами этой эпохи — им принадлежит идея о том, что установка на прогресс неизбежно сочетается с социальным оптимизмом. Просветители полагали, что настоящее несовершенно, но были убеждены в том, что завтра будет лучше, чем сегодня. Это и был образ будущего.

ДВА ОБРАЗА ПРОГРЕССА: СОЦИАЛЬНЫЙ И МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ

Важно, что этот образ будущего, рожденного прогрессом — социальным, научным, технологическим, — в XX в. обрел разные формы в разных системах. Для социально ориентированных стран, прежде всего Советской России, это был образ «города-сада», ради построения которого можно переносить тяготы и лишения; для стран капитализма — образ материального благополучия. Первый — образ метафизический, второй — сугубо материалистический, первый — как идея, второй — как задача.

И для реализации этой задачи для западного общества, возможно, идея прогресса была более значимой, чем идея рационализма. Она выступила не только локомотивом всего XVIII в., но, получив дополнительный импульс к развитию и доказательство своей верности в виде эволюционизма, в XIX–XX вв. стала идеологией капитализма. Эта идеология вытеснила идею простого воспроизводства, характерную для традиционного общества, идеей расширенного воспроизводства и стала фактически современной религией. Ее основным догматом стала установка на то, что все в мире имеет меновую стоимость, а значит, стремление к монетизации всего сущего — это главная цель развития человека и общества.

Важно подчеркнуть, что данная установка обладала принципиальной новизной по отношению к производству того типа, который был доминирующим в традиционных социальных системах. Традиционные общества рассматривали в качестве своей социально-экономической основы не вещи вместе с их меновой стоимостью, а их символическую значимость. Здесь трудно согласиться с тезисом С. Г. Карамурзы о том, что «традиционное производство было ориентировано на потребление (а если производство приносило прибыль, то она была лишь источником, сред-

ством для роскоши и наслаждений)» (Кара-Мурза, 2002: 24). Ритуал потлатча, направленный на уничтожение племенем своего богатства, свидетельствует о принципиально иных экономических отношениях. Обряд выступал как состязание в превосходстве духа и демонстрировал другим сообществам величие собственной силы, в первую очередь духовной, метафизической, которая проявлялась в том числе в отсутствие страха потерять материальные ценности.

Европейцы же Нового времени были устремлены к будущему, значимость которого определялась в значительной мере величиной капитала и скоростью его увеличения. Соответственно, и социальное развитие рассматривалось в контексте категории экономического роста, которая обрела статус своеобразной аксиомы западного общества, превратившись из средства в самоцель, «рост ради роста». Экономическая программа Бенджамина Франклина («научиться тратить меньше, чем составляют твои доходы» (Франклин, 1968)) стала своеобразным «философским камнем» капитализма и его этической программой, в основе которой — утилитаризм, уравновешенность, воздержанность, скромность, экономия, накопление.

Здесь избыточное потребление, свойственное дворянству как представителю доиндустриального (или феодального) общества, стало недопустимым и сменилось бережливостью. При этом все, что было связано с человеком и с чем связана его жизнь, даже время, получило способность быть конвертированным и иметь денежный эквивалент. Естественность монетизации — не только материального, но и духовного — любви, товарищества, взаимопомощи — стала специфическим «побочным эффектом» прогрессизма, ценность которого в рамках капиталистического производства была сращена с экономикой и сакрализована. Капитал стал рассматриваться наиболее точным эквивалентом человеческих качеств: «Я плохой, нечестный, бессовестный, скудоумный человек, но деньги в почете, а значит, в почете и их владелец» (Маркс, Энгельс, 1974: 131).

УСТАНОВКА НА ПРОГРЕСС И КРИЗИС КАПИТАЛИЗМА

Установка на увеличение капитала стала причиной экономических кризисов, основой для подчинения духовной составляющей человека материальному компоненту, замены высоких и труднодостижимых целей близкими и сиюминутными. Капитал стал мерилom не только физического, но и метафизического — времени. Афоризм Франклина «Время — деньги» (Франклин, 2015) означал не только скорость очередного вложения полученной прибыли, но и условие развития самой основы финансовой системы капитализма в виде кредитования и ростовщичества. Как показал М. Вебер, то, как человек распоряжается своим временем («стучит ли его молоток в пять часов утра и восемь вечера» (Вебер, 2020: 19)), определяет его кредитоспособность и желание кредитора выдать ему заем.

Иными словами, сама система кредитов, которая стала основой современной финансовой системы, основана на идее будущего — того будущего, в котором предприниматель, берущий ссуду, получит прибыль и расплатится по кредиту. Мы здесь опускаем все те случаи, когда ссуда дается под обеспечение — так бывает часто, но не всегда. То есть вера в будущее позволяет процветать банковской и экономической системе, покрывая значительную часть банковских счетов (Харари, 2016: 206). Именно система кредитов стала той «кровеносной системой бизнеса», без которой капитализм не смог бы существовать ни в XIX, ни в XXI в.

То есть образ будущего в рамках капитализма становится экономической категорией, соотносясь с возможностью получения прибыли. О том, что не расчет,

а именно образ зачастую создает основания для принятия серьезных решений, свидетельствует мировой финансовый кризис 2008 г., эпицентром которого стала экономика США. И это не случайно, так как именно в США использовались такие новые методы управления экономической и финансовой системами, как «портфельная теория» Марковица⁴, оценка финансовых активов Шарпа⁵, теория структуры капитала Модильяни — Миллера⁶, методика оценки опционов Блэка — Шоулза⁷. Их создатели — нобелевские лауреаты.

И вполне закономерно, что кризис возник именно в США, экономика которых с 1960-х гг. начала носить виртуализированный характер и характеризовалась преобладанием деривативов. Сами по себе деривативы — «пустышки». Их стоимость определяется стоимостью обеспечивающих их активов, в качестве которых могут выступать ценные бумаги, валюта, долговые обязательства, почему они и рассматриваются как *производные* финансовые инструменты. При этом сами деривативы также могут выступать в качестве обеспечивающего актива, в связи с чем могут вводиться в оборот многократно, имея значительный финансовый объем, но фактически утрачивая свое обеспечение.

Объем деривативов в США к началу финансового кризиса был равен примерно квадриллиону долларов — на начало 2009 г. сумма баланса банка J. P. Morgan составляла около 2,5 трлн долл., в то время как внебалансовые инструменты — более 97 трлн долл. Соответствующие значения баланса банка Goldman Sachs Group составляли 1,5 трлн долл. и 50 трлн долл. (Митяев, 2009: 28; 63). Иными словами, финансовые обязательства институтов США на два порядка превышали величину их капитала. Это и стало началом кризиса финансовой системы США, который вызвал соответствующие кризисы в странах со слабыми экономиками (Костина, Костин, 2013: 112).

Банкротство крупнейшего банка *Leman Brother's* и страховой группы *AIG*, которые эмитировали деривативы на сумму, превышающую денежную массу 20 крупнейших стран мира, вызвало состояние банкротства или существенного ослабления экономик Испании, Италии, Португалии, Австрии, Ирландии, Исландии, Бельгии, Италии, Греции, Венгрии, Румынии, Болгарии, Хорватии, Черногории, Чехии, Словакии, Украины, Белоруссии, Эстонии, Латвии, Литвы. Этот кризис поразил и экономику России с ее долларовой ориентацией.

Таким образом, основным фактором мирового финансового кризиса стала монетизация времени — процесс, атрибутивный капиталистической экономике. Ставка на будущее обеспечение, многократно воспроизводимое, привела к утрате подлинной стоимости деривативов и их обесцениванию.

Вместе с тем подчеркнем, что в рамках классического капитализма время монетизировалось, соотносясь с реальными экономическими процессами. В рамках же финансиализма — как своеобразной «мутации» капитализма — время виртуализировалось в соответствии с задачами банкиров, действующих в рамках легитимизированных финансовых спекуляций. И кризис 2008–2009 гг. однозначно показал, что западная экономика в своем классическом двухвековом варианте больше не существует — нацеленность на производство прибыли уступило место финансовым спекуляциям.

Кризис 2008–2009 гг. поставил на повестку дня тот вопрос, который и сегодня остается актуальным: с чем связан образ будущего у современного человека — с накоплением и потреблением или с конструктивной деятельностью по формированию более справедливого и направленного на реализацию всех возможностей

и способностей человека общества? Каким этот образ будущего является — нацеленным на прогресс или реконструкцию исторического прошлого? Что является основой этого будущего — социальная ориентированность или ориентация на индивидуальное выражение? Кто является субъектом этого процесса? На какие ценности он ориентируется?

Ответ на каждый из этих вопросов требует самостоятельной проработки. Однако для формирования целостной картины представляется более продуктивным попытаться рассмотреть эти аспекты как взаимосвязанные, опираясь при этом на данные социологических исследований. И рассмотреть при этом не все, а только лишь доминантные и выступающие как противоположные направления общественно-исторического развития, обозначив их — тоже достаточно условно и обобщенно — как социализм и капитализм.

РОССИЯ В ПОИСКАХ ИДЕАЛА БУДУЩЕГО

Итак, говоря об образе будущего России, прежде всего необходимо отметить, что большинство ее граждан считают, что страна нуждается в существенных переменах — как экономических, так и политических. Однако при этом большинство россиян отметили, что «нынешнюю власть при всех ее недостатках следует поддерживать», — так ответили 63% опрошенных⁸.

Однако мнения респондентов о том, какой путь экономического развития представляется им наиболее приемлемым, различны.

Важно подчеркнуть, что для россиян в 2020 г. — по сравнению с 1992 г. — гораздо большей привлекательностью стал обладать социально ориентированный путь развития — наподобие экономики Швеции⁹, а также путь развития экономики с преобладанием государственных форм собственности — по образцу Китая¹⁰. При этом сам образ социализма в общественном сознании приобрел более позитивные черты, ассоциируясь гораздо в большей степени, чем двумя десятилетиями ранее, с техническим прогрессом, правами человека, гуманизмом. Одновременно атрибуты социалистического государства начали в меньшей степени связываться с подавлением личности, властью узкой группы людей, экономической отсталостью¹¹.

Важным представляется тот факт, что и свободная рыночная экономика, подобная экономике США, Великобритании, ФРГ, Франции, для россиян стала обладать меньшей значимостью. Сегодня капитализм видится более реалистично, без значительного числа тех иллюзий, которые были с ним связаны у людей еще в 1998 г. В частности, существенно сократилось число тех, кто воспринимает капитализм как оплот демократии и свободы, кто связывает его с высоким уровнем жизни, порядком и правами человека¹².

Однако очевидные позитивные трансформации в сознании людей образа социализма и их более реалистичский взгляд на капитализм не изменили их выбора общества, в котором они хотели бы жить. В пользу социалистического общества высказались 26%¹³, но и капиталистическое общество не стало для людей более привлекательным — этот выбор поддержал 21% опрошенных¹⁴. Важным представляется следующее: *число тех, для кого образ будущего не определен и не связан с определенной социально-экономической системой, существенно возросло — 49% вместо 30% в 1998 г.*

Отсутствие консенсуса в обществе относительно образа будущего сочетается с единством относительно тех значимых и фундаментальных оснований, на которые оно должно опираться. Сам образ будущего в ситуации пандемии россияне на-

чали в большей степени связывать с устойчивым развитием и политической стабильностью (71%), чем с переменами, в большей степени с единством власти и народа, порядком в обществе и «твердой рукой» (68%), чем с партийной и политической конкуренцией, свободой и демократией (там же: 32–33).

Ситуация пандемии привела к активизации настроений, связанных с отторжением будущего как неопределенного и обращением к обладающему полной определенностью прошлому. Этот процесс показал, что тенденции, связанные со стремлением россиян к разрушению патерналистского консенсуса, которое определенно фиксировались в 2019 г., стали менее актуальными в период пандемии. И для политиков, и для народа прошлое стало актуализироваться, означая не только обращение к величию, идентичности, государственности, порядку, но и возврат к определенности. Среди тех понятий, которые могли бы стать основой политики возрождения России, россияне стали выделять те, которые начиная с 1997 г. не воспринимались как системообразующие, но в 2020 г. наполнились особым смыслом. Это такие понятия, как «мир», «закон», «патриотизм», «державность», «Российская империя»¹⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, отметим следующее.

Ситуация пандемии сформировала в стране достаточно уникальную комбинацию факторов. Прежде всего, в обществе сложился консенсус в отношении социальной политики государства, необходимой в кризисные периоды и для населения, и для экономики. При этом сама социальная политика стала выполнять функции драйвера экономического развития. В то же время стало очевидно, что активная социальная помощь, оказываемая в 2020 г., носит ограниченный во времени характер и определяется возможностями бюджета. Кроме того, пандемия усилила влияние на социальное развитие государства таких факторов, как демографическое старение, миграция, сложности экономического развития («Черный лебедь» ... , 2021: 40).

В обществе сложился консенсус относительно запроса на перемены — преобразования в экономике, социальной и политической сфере, утверждение социальной справедливости. Однако отличительные особенности такого запроса носят достаточно аморфный и зачастую противоречивый характер.

О наличии образа будущего можно говорить тогда, когда у общества есть отчетливое представление о генеральной идее и цели развития, о ценностном статусе этой цели, о временных перспективах, способах и ресурсах ее достижения. При этом необходимо единство всех участников этого процесса — начиная от правящих политических и экономических элит и завершая теми, кто не претендует на роль субъектов этого процесса, а также всех возрастных и социальных групп, наиболее значимой среди которых является молодежь. Образ будущего, формируемого национальной элитой, фактически находит отражение в национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации, определяемых указами Президента России¹⁶. Эти задачи чрезвычайно важны и носят конкретный характер, будучи связанными с прорывным научно-технологическим и социально-экономическим развитием. Вместе с тем реализация этих задач будет гораздо более успешной, если они будут подчиняться реализации одной значимой цели, выступающей в качестве идеала.

Восприятие прошлого как сакрализованного свидетельствует о тоске по национально-культурной идентичности, требующей возвращения установок на тради-

ционализм. Но одновременно оно свидетельствует о ностальгии по тому будущему, которое пусть утопичное, но было в советской России и которому пока нет замены. Сегодня этот идеальный образ будущего не имеет отчетливых контуров. Между тем, наряду с необходимостью неискаженного прошлого, которое может выполнить функции своеобразного «якоря», наряду с потребностями обеспечения достойного, в том числе материального, существования людей в настоящем, именно образ будущего необходим сегодня стране. Именно он может стать «великим аттрактором» для настоящего, локомотивом истории, главной идеей социального развития. Но такой идеей не может стать идея денег, капитала и его накопления.

И сегодня приходит осознание того, что идея будущего как научно-технологического прогресса сама по себе не может увлечь людей, она должна сочетаться с идеей высокого социального идеала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 г. [Электронный ресурс]// Официальный сайт Президента России. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-poslanija-vladimira-putina-federalnomu-sobraniyu-21-04-2021.html> (дата обращения: 06.06.2021).

² Такие, как «обесценение денежных сбережений (4%), собственности (2%), рост цен на запланированные дорогостоящие приобретения (2%)». (Мониторинг социально-экономического ... , 2021: 32).

³ Идея прогресса впервые отчетливо была сформулирована около 1680 г. в дискуссии двух групп французских интеллектуалов — «ревнителей древности» и «современников». В ней приняли участие Террассон, Перро, аббат де Сен-Пьер и Фонтенель, позже в дискуссию включились Тюрго, Кондорсе и Луи-Себастьян Мерсье. Если первые стояли на позициях значимости традиции, то вторые уповали на прогресс, видя его проявления в развитии всех типов общества. Причем прогресс рассматривался как в историко-эволюционном аспекте (каждый этап развития является векторным продолжением предыдущих), так и в аксиологическом (каждый этап развития более совершенен, чем предыдущие).

⁴ Портфельная теория Марковица была представлена автором в 1952 г. Модель описывает оптимальный портфель — имеющий минимальный риск и максимальную доходность. Позже автор получил за нее Нобелевскую премию (Холоденко: Электронный ресурс).

⁵ «В инвестиционной деятельности важна не только конечная доходность, но и риск. Нужна оценка эффективности, показатель, позволяющий понять, окупается ли принятый инвестором риск. В роли такого показателя выступает коэффициент Шарпа, он был разработан в 1966 г., но за прошедшие десятилетия не утратил актуальности» (Что такое Коэффициент Шарпа ... : Электронный ресурс).

⁶ Теория Модильяни — Миллера — это теория «об отсутствии связи между рыночной стоимостью предприятия и структурой его капитала. Иногда финансирование с использованием заемных средств приносит более высокую прибыль, и тогда владельцы компании будут замещать акционерный капитал заемным» (Булахова: Электронный ресурс).

⁷ Модель ценообразования опционов Блэка — Шоулза (англ. Black — Scholes Option Pricing Model, OPM) — «это модель, которая определяет теоретическую цену на европейские опционы, подразумевающая, что если базовый актив торгуется на рынке, то цена опциона на него неявным образом уже устанавливается самим рынком. Данная модель получила широкое распространение на практике и, помимо всего прочего, может также использоваться для оценки всех производных бумаг, включая варранты, конвертируемые ценные бумаги, и даже для оценки собственного капитала финансово зависимых фирм» (Модель ценообразования опционов Блэка — Шоулза: Электронный ресурс).

⁸ Здесь и далее данные приводятся по исследованию: Куда идешь, Россия? ... , 2021: 27–33).

⁹ За такой выбор высказалось почти в два раза больше опрошенных (17%), чем это было в 1992 г. (8%).

¹⁰ В пользу такого пути развития в 2020 г. высказалось 11% против 5% в 1992 г.

¹¹ Среди опрошенных в 2020 г. 23% показали, что связывают социализм с техническим прогрессом (в 1992 г. — 15%), 20% — с правами человека (ранее — 13%), 18% — с гуманизмом (ранее — 12%). Гораздо меньшая часть опрошенных связывает социализм с подавлением личности — 11% вместо 23% в 1998 г., властью узкой группы людей — 11% вместо 25%, экономической отсталостью — 7% вместо 21%.

¹² Так, в 2020 г. капитализм воспринимают как власть узкой группы людей 45% (вместо 36% в 1998 г.). Связывают его со свободой 17% (вместо 30%), высоким уровнем жизни — 19% (вместо 35%), порядком — 5% (вместо 17%), правами человека — 8% (вместо 19%).

¹³ В 1998 г. было 38%.

¹⁴ Вместо 22% в 1998 г.

¹⁵ «Мир» (21% от числа опрошенных в 1997 г. и 47% в 2020 г.), «закон» (соответственно 33% и 43%), «патриотизм» (6% — 24%), «державность» (8% — 20%), «Российская империя» (3% — 13%). Практически не изменилось отношение к таким понятиям, как нация, капитализм, частная собственность, интернационализм, СССР, религиозность, братство, народность, свобода, равенство (там же: 36–38).

¹⁶ Среди них — «увеличение численности населения страны, повышение уровня жизни граждан, создание комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека» (Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (в ред. указов Президента Российской Федерации от 19.07.2018 № 444, от 21.07.2020 № 474) [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425> (дата обращения: 06.06.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асмус, В. Ф. (1969) Избранные философские труды : в 2 т. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969–1971. Т. 1. 410 с.

Булахова, В. Теория Модильяни — Миллера [Электронный ресурс] // Ранняя пенсия. Сайт о выходе на пенсию. URL: <https://retireearly.ru/financial-literacy/teoriya-modilyani-millera> (дата обращения: 06.06.2021).

Буркхарт, Я. (2002) Культура Италии в эпоху Возрождения / пер. с нем. С. Бриллианта. Смоленск : Русич. 441 с.

Голосовкер, Я. Э. (1987) Логика мифа / послесл. Н. И. Конрада, Н. В. Брагинской. М. : Наука. 224 с.

Кара-Мурза, С. Г. (2002) Идеология и мать ее наука. М. : Алгоритм. 253, [2] с.

Комаровский, В. С. (2020) Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // Власть. № 1. С. 45–50.

Костина, А. В., Костин, В. И. (2013) Национальная безопасность современной России: Экономические и социокультурные аспекты. М. : Книжный дом «Либроком». 344 с.

Костина, А. В. (2009) Теоретические проблемы современной культурологии: Идеи, концепции, методы исследования. М. : Книжный дом «Либроком». 288 с.

Куда идешь, Россия? Экспресс-информация (2021) / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.] ; отв. ред. В. К. Левашов. М. : ФНИСЦ РАН. 47 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://испи.рф/wp-content/uploads/2021/02/куда-идешь-россия-экспресс.pdf> DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-344-7.2021 (дата обращения: 06.06.2021).

Вебер, М. (2020) Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М. Левиной. М. : АСТ. 320 с.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1974) Сочинения. 2-е изд. Т. 40–50. М. : Изд-во политической литературы. 1974–1981 гг. Т. 42. 514 с.

Митяев, Д. А. (2009) О динамике саморазрушения мировой финансовой системы (сценарии и стратегии). Возможности адаптации и выбор стратегии для России. Сценарно-игровой доклад. М. : Ин-т экономических стратегий. 119 с.

Модель ценообразования опционов Блэка — Шоулза [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C_%D0%91%D0%BB%D1%8D%D0%BA%D0%B0_%E2%80%94%D0%A8%D0%BE%D1%83%D0%BB%D0%B7%D0%B0 (дата обращения: 06.06.2021).

Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения (2021) Апрель 2021 / под ред. Л. Н. Овчаровой. М. : НИУ ВШЭ. 32 с.

Франклин, Б. (2015) Моя автобиография. Совет молодому торговцу / пер. с англ. М. : АСТ. 318 с.

Франклин, Б. (1968) Путь к изобилию, ясно указанный в предисловии к старому пенсильванскому альманаху «Бедный Ричард» // Американские просветители. Избр. произв. : в 2 т. / сост. и примеч. Н. М. Гольдберга ; под общ. ред. и со вступ. ст. Б. Э. Быховского ; пер. с англ. Т. 1. М. : Мысль. 519 с.

Харари, Ю. Н. (2016) Sapiens: краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумм. М. : Синдбад. 516 с.

Холоденко, О. Составление инвестиционного портфеля по Марковицу для чайников [Электронный ресурс] // БКС Экспресс. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/sostavlenie-investitsionnogo-portfelia-po-markovitsu-dlia-chainikov> (дата обращения: 06.06.2021).

«Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 (2021) / под ред. С. М. Плаксина, А. Б. Жулина, С. А. Фаризовой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 336 с.

Что такое Коэффициент Шарпа — Примеры использования, Нормы значений [Электронный ресурс] // Stolf. URL: <https://stolf.today/koefficient-sharpa.html> (дата обращения: 06.06.2021).

Дата поступления: 08.06.2021 г.

*THE IDEA OF PROGRESS AND THE VISION OF THE FUTURE:
TRANSFORMATIONS UNDER THE CONDITIONS OF THE PANDEMIC*

A. V. KOSTINA

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The pandemic has had such a great impact on society in all its manifestations that today it is virtually impossible to return to a sustainable system of pre-pandemic relations. It is not only a matter of the crisis in the world economy, or digitisation, not even of the information wars that were directly or indirectly stipulated by the pandemic. The fact is that the ideas man has about time — a basic category of existence — have changed greatly. The vision of the future was a fundamental attitude in any society at any stage of its development. In the Archaic period, it was associated with the reactivation of the already explored potential and “eternal recurrence”, in Antiquity — with the retrogression from the Golden Age to the Bronze Age and down to the Iron Age, in the Middle Ages — with waiting for Judgment Day and salvation. The vision of the future associated with progress and the accumulation of information, knowledge, and wealth came to exist only during the Enlightenment period. This vision became the underlying idea of capitalism. In the 20th century, a new idea was born of the future associated with the society of social ideal. Despite the fact that in the post-pandemic conditions Russian tend to refer to the past as a time of certainty, there is evident public unanimity about a need for reforms and social development. In addition to that, the vision of the future itself lacks sufficient certainty and does not correspond to either capitalist or socialist development path. However, the Russians’ aspiration for the socially orientated politics of Sweden and orientation towards Chinese state-owned entities make it possible to conclude that

the citizens of our state are more attracted by socially orientated values rather than the idea of progress.

Keywords: social ideal; progress; future; past; state; social support; personal development

REFERENCES

Asmus, V. F. (1969) *Izbrannye filosofskie trudy*: in 2 vol. Moscow, Moscow State Univ., 1969–1971. Vol. 1. 410 p. (In Russ.).

Bulakhova, V. Teoriia Modil'iani — Millera [online] *Ranniiaia pensia. Sait o vykbode na pensiu*. Available at: <https://retireearly.ru/financial-literacy/teoriya-modilyani-millera> (accessed: 06.06.2021). (In Russ.).

Burkkhart, Ia. (2002) *Kul'tura Italii v epokhu Vozrozhdeniia* / transl. from German by S. Brilliant. Smolensk, Rusich. 441 p. (In Russ.).

Golosovker, Ia. E. (1987) *Logika mifa* / afterwards by N. I. Konrad and N. V. Braginskaya. Moscow, Nauka. 224 p. (In Russ.).

Kara-Murza, S. G. (2002) *Ideologiya i mat' ee nauka*. Moscow, Algoritm. 253, [2] p. (In Russ.).

Komarovskii, V. S. (2020) *Obraz zhelaemogo budushchego Rossii: problemy formirovaniia. Vlast'*, no. 1, pp. 45–50. (In Russ.).

Kostina, A. V. and Kostin, V. I. (2013) *Natsional'naiia bezopasnost' sovremennoi Rossii: Ekonomicheskie i sotsiokul'turnye aspekty*. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 344 p. (In Russ.).

Kostina, A. V. (2009) *Teoreticheskie problemy sovremennoi kul'turologii: Idei, kontseptsii, metody issledovaniia*. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 288 p. (In Russ.).

Kuda idesh', Rossiia? Ekspres-informatsiia (2021) / V. K. Levashov, N. M. Velikaia, I. S. Shushpanova et al; ed. by V. K. Levashov. Moscow, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. 47 p. [online] Available at: <http://ispi.rf/wp-content/uploads/2021/02/kuda-idesh'-rossiia-ekspres.pdf> DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-344-7.2021 (accessed: 06.06.2021).

Weber, M. (2020) *Protestantskaia etika i dukh kapitalizma* / transl. from German by M. Levina. Moscow, AST. 320 p. (In Russ.).

Marks, K., Engel's, F. (1974) *Sochineniia*. 2nd ed. Vols. 40–50. 1974–1981 gg. Moscow, Publishing House of Political Literature. Vol. 42. 514 p. (In Russ.).

Mitiaev, D. A. (2009) *O dinamike samorazrubeniia mirovoi finansovoi sistemy (stsenarii i strategii). Vozmozhnosti adaptatsii i vybor strategii dlia Rossii. Stsenarno-igrovoi doklad*. Moscow, Institute of Economic Strategies. 119 p. (In Russ.).

Model' tsenoobrazovaniia optsiionov Bleka — Shoulza [online] *Wikipedia*. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C_%D0%91%D0%BB%D1%8D%D0%BA%D0%B0_%E2%80%94%D0%A8%D0%BE%D1%83%D0%BB%D0%B7%D0%B0 (accessed: 06.06.2021). (In Russ.).

Monitoring sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniia i sotsial'nogo samochuvstviia naseleniia (2021) April, 2021 / ed. by L. N. Ovcharova. Moscow, National Research University Higher School of Economics. 32 p. (In Russ.).

Franklin, B. (2015) *Moia avtobiografiia. Sovet molodomu torgovtsu* / transl. from English. Moscow, AST. 318 p. (In Russ.).

Franklin, B. (1968) Put' k izobiliu, iasno ukazanny v predislovii k staromu pensil'vanskomu al'manakhu «Bednyi Richard». In: *Amerikanskie prosvetiteli. Izbrannye proizvedeniya* : in 2 vol. / comp. and notes by H. M. Gol'dberg; ed. and intr. article by B. E. Bykhovskij; transl. from English. Vol. 1. Moscow, Mysl'. 519 p. (In Russ.).

Harari, Yu. N. (2016) *Sapiens: kratkaia istoriia chelovechestva* / transl. from English by L. Summ. Moscow, Sindbad. 516 p. (In Russ.).

Kholodenko, O. Sostavlenie investitsionnogo portfel'ia po Markovitsu dlia chainikov [online] *BKS Ekspres*. Available at: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/sostavlenie-investitsionnogo-portfel'ia-po-markovitsu-dlia-chainikov> (accessed: 06.06.2021). (In Russ.).

«*Chernyi lebed' » v beloï maske. Analiticheskiï doklad NIU VSbE k godovsbcbine pandemii COVID-19 (2021) / ed. by S. M. Plaksin, A. B. Zhulin and S. A. Farizova. Moscow, National Research University Higher School of Economics. 336 p. (In Russ.).*

Что такое Коэффициент Шарпа — Primery ispol'zovaniia, Normy znachenii [online] *Stolf*. Available at: <https://stolf.today/koefficient-sharpa.html> (accessed: 06.06.2021).

Submission date: 08.06.2021.

Костина Анна Владимировна — доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, проректор по научной работе Московского гуманитарного университета, академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия). Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: Anna_Kostina@inbox.ru

Kostina Anna Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Doctor of Culturology, Professor, Vice-Rector for Research, Moscow University for the Humanities; Member, International Academy of Sciences (Innsbruck, Austria). Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: Anna_Kostina@inbox.ru

DOI: 10.17805/zpu.2021.3.4

Религиозные аспекты современной парадигмы самотворчества

А. А. ГОРЕЛОВ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН,

Т. А. ГОРЕЛОВА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассмотрены современные холистические концепции самотворчества (СТ), возникшие на основе кардинально противоположных религиозных моделей — синергической антропологии как попытки расширения и осмысления духовной практики исихазма (С. С. Хоружий) и концепции интегральной духовности на основе дзэн-буддизма (К. Уилбер). Представлены базовые концепты обеих точек зрения: дух, энергия, синергия — в синергической антропологии; Космос, холон, холархия — в концепции интегральной духовности. СТ, представляемое как восхождение по Лестнице духа на основе духовной практики исихазма, — это дерзновенная попытка эксперимента над собой, которая показывает путь обретения смысла жизни. Возникающая на основе этой практики доктрина пытается преодолеть ее субъективность через выделение универсальных состояний и переживаний: смысл жизни — миссия к Предстоянию, истина — Любовь, которая позволяет стать «горячим» в своем отношении к миру, механизм — соединение человеческих энергий с энергией Божественной, реализация — обращение к глубинной способности человека — «творчеству творчества», творчеству второго порядка, Самотворчеству.

Концепция интегральной духовности представляет СТ как холархию актуализации, проходящую девять базовых уровней сознания человека и которая в конце концов приходит к безличности и небытийности, превращаясь в свою противоположность — само-деконструкцию человека. Подробно рассмотрены основные отличия СТ в двух типах духовных практик.